

Алан Гарнер

Волшебный камень Бризингамена

Гарнер А.

Волшебный камень Бризингамена / А. Гарнер —

Вместе с Колином и Сьюзен, юными героями романа знаменитого английского писателя Алана Гарнера, читатель попадет в таинственный мир гномов и эльфов, гоблинов и средневековых рыцарей, спящих зачарованным сном, и окажется в центре столкновения могущественных сил Добра и Зла.

Содержание

Легенда местечка Олдерли	5
Хаймост Рэдмэнхей	7
Олдерли Эдж	10
Паршивое племя из Имира	14
Фундиндельв	19
Скверные дела	25
В каменном кольце	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алан Гарнер

Волшебный камень Бризингамена

Легенда местечка Олдерли

Однажды тихим октябрьским рассветом, давным-давно, и даже еще давнее, через гребень Олдерли Эдж,¹ ехал верхом на лошади один фермер. Ехал он из Моберли на ярмарку в городок Макклесфилд.

Утро выглядело пасмурным, но погода была мягкая, легкие туманы то и дело перебежали дорогу, леса стояли безмолвны, похоже было, что день распогодится. Фермер пребывал в хорошем расположении духа, свою снежно-белую кобылу не понукал; ему хотелось, чтобы на ярмарку она пришла не уезженной. Назад-то он вернется пешком, но зато и богатым человеком!

Мысли его уже были в городе, пока сам он только еще находился на гребне холма, и как раз подъезжал к тому месту, которое носило неприятное название Воровское Логово. В этом самом месте лошадь вдруг остановилась и ни кнутом, ни шпорами не давала себя уговорить. Вообще-то она понимала, что такое шпоры и кнут, и строгие окрики хозяина тоже слышала, но глаза, которые на нее смотрели и не давали ей шелохнуться, были сильнее и шпор, и кнута.

Прямо на самой тропе, где, можно поклясться, только что никого не было, стоял старик, высокий ростом, длинноволосый и длиннобородый.

– Ты идешь, чтобы продать лошадь, – сказал он. – Я пришел ее купить. Сколько ты просишь за нее?

Но фермеру хотелось продать лошадь именно на ярмарке, там ведь будет много покупателей и можно будет поторговаться. Он довольно грубо велел старику посторониться, он, мол, не собирается из-за него опоздать на торжище.

– Что ж, ступай своей дорогой, – сказал старик. – Лошадь никто не купит. Я буду ждать тебя здесь на исходе дня.

В следующий миг его уже не было, и фермер не сумел бы объяснить, как он исчез и куда он девался.

Денек стоял теплый, а в таверне было прохладно, и все, кто глядел на кобылу, в один голос говорили, что это прекрасное животное, гордость Чешира, королева среди кобыл. И все сходились на том, что лучше лошади в тот день на ярмарке не видали, но никто почему-то даже не сделал попытки ее купить.

Когда небо раздумянило запад, изрядно уставший и в кислом настроении фермер покинул городок Макклесфилд.

У Воровского Логова лошадь застыла: старик их поджидал.

Решив, что любая цена лучше никакой, фермер согласился продать ему лошадь.

– Сколько ты дашь за нее? – спросил он.

– Достаточно. А теперь следуй за мной. И прошли они мимо Семи Елей и Золотого Камня в сторону Грозовой Вершины и Седловины Пней. И остановились они перед огромным камнем, как бы вставленным в склон холма. Старик поднял посох и легонько дотронулся до камня, и тот раскололся под звук громового раската. При этом фермер свалился с лошади и стал на коленях просить пощадить его и отпустить домой невредимым. Пусть лошадь останется, Бог с ней. Только бы ему сохранили жизнь, довольно с него и этого.

Чародей, а старик именно и был чародеем, велел фермеру встать.

¹ Олдерли Эдж – дословно – Ольховый Холм.

– Я обещаю тебе, с тобой ничего не случится, – сказал он. – Не пугайся, тебе предстоит увидеть истинные чудеса.

За камнем находились железные ворота. Их как раз чародей и отворил и повел фермера с его лошадью по узкому туннелю в самую глубь холма. Свет, довольно слабый, но приятный для глаз, указывал путь. Проход кончился, и они вступили в пещеру, где взгляду фермера представило удивительное зрелище – сто сорок рыцарей в серебристых доспехах, и рядом с каждым из них, кроме одного, – снежно-белый конь.

– Они все спят зачарованным сном, – сказал чародей, – пока не наступит день, а наступит он непременно – когда гибель будет грозить Англии, а английские матери будут в слезах. Тогда выйдут они все из глубин этого холма и в битве, трижды выигранной и трижды проигранной на равнине, сбросят врага в море.

Потом бедный фермер, онемевший, от священного ужаса, последовал за чародеем в соседнюю пещеру, где кучами были насыпаны золото, серебро и драгоценные камни.

– Бери сколько сможешь унести в уплату за лошадь. И когда фермер набил драгоценностями свои карманы (обширные, как и его земли), завернул в рубаху и еще зажал в кулаках, чародей спешно провел его к выходу и вышвырнул за железные ворота. Фермер споткнулся, прокатился раскат грома, он оглянулся, но увидел только голый камень. Фермер был один на холме, неподалеку от Грозовой Вершины. В небо поднялась круглая полная луна, наступила ночь.

И хотя много лет спустя он старался отыскать это место, ни он и никто после него не мог снова увидеть железные ворота. Нелл Бек говорила, что она их однажды видела, но всем было известно, что Нелл Бек сумасшедшая, и когда она умерла, ее похоронили под размытым берегом на краю поля, которое до сих пор носит ее имя.

Хаймост Рэдмэнхей

Проходя мимо купе, проводник постучал в дверь.

– Уилмслоу через пятнадцать минут!

– Спасибо! – отозвался Колин.

Сьюзен стала убирать сотворенный за дорогу разкардаш: прочитанные журналы, яблочные огрызки, шкурки от апельсинов, пустые пакеты. Колин в это время стягивал поклажу с вещевой полки. И вот уже через три минуты они сидели на кончике вагонных кресел, пальто – через руку, чемоданы в другой руке, как всякий пассажир во веки веков до них, а также и после, впавшие в то паршивое состояние, которое называется «конец путешествия», когда и делать ничего не делаешь, и расслабиться – никакой возможности. Эти последние мили показались им самыми длинными.

Платформа в Уилмслоу была густо уставлена встречающими, да еще из вагонов выплеснулась куча народу. Тем не менее, Колин и Сьюзен без труда узнали среди толпы Гаутера Моссока. Обтекая его, толпа редела. Люди всасывались в ворота, где был обозначен выход в город. Колин и Сьюзен стояли одиноко на дальнем конце платформы. Гаутер, издали помахав ребятам, уже приближался к ним широкими шагами.

Он напоминал дуб: не слишком высокий, крепко-костный, с тугими мышцами. Лицо у него было круглое, хорошо вылепленное, голубые глаза откликались веселыми морщинками на то, что произносил рот. Его спину плотно обтягивал твидовый пиджак, а на ноги, чуть кривоватые, как бревна старинного дома, были натянуты бриджи, засунутые в шерстяные носки чуть выше раздувшихся лодыжек. На голове его сидела слегка потерявшая форму фетровая шляпа, а подбитые гвоздиками ботинки высекали искры, пока он шагал по платформе.

– Привет! Я думаю, вы и есть – Сьюзен и Колин, а? Голос у него был высокий и напоминал порывы осеннего ветра.

– Да, это мы, – сказал Колин. – А вы – мистер Моссок?

– Я. Только, пожалуйста, давай без этих твоих «мистеров». Меня зовут Гаутер. Ну, пошли. У Бесс ужин готов, а мы совсем еще и не дома.

Он подхватил чемоданы, и они спустились по лесенке на привокзальную площадь, где стояла фермерская тележка на высоких красных колесах, а в оглоблях ждала белая мохноногая лошадь с косматой гривой.

– А ну-ка, Скэмп! – сказал Гаутер, забрасывая чемоданы в тележку.

Пестрый лэрчер,² спавший на подстилке, поднялся и с опаской поглядел на усаживающихся ребят. Гаутер поместился между ними, и вся компания, проехав под железнодорожным мостом, двинулась по последнему перегону в этом путешествии.

Вскоре городок остался позади, а тележка покатила по проселку, бегущему между широкими полями, слева и справа обсаженному высокими деревьями.

Ребята вели с Гаутером неторопливую беседу о том о сем, и Скэмп понемножечку признал их – он подошел и положил голову на сиденье между Гаутером и Сьюзен.

– А это-то что такое? – вдруг сказал Колин. Они как раз повернули за угол. Впереди, приблизительно на расстоянии мили³ от них, точно из земли, вырос огромный холм. Был он высок, и темен, и мрачен. А на правом склоне его, почти у самого подножья контуром на горизонте вырисовывались островерхие крыши домов и колокольни церквей, высившиеся над макушками деревьев, которые плотным одеялом покрывали склоны холма.

² Лэрчер – помесь шотландской овчарки с борзой.

³ Мили – в Великобритании и США сухопутная миля равна 1,609 км.

– Этот, что ли? Это Эдж. Шестьсот футов⁴ высоты, а в ширину – три мили. Вам тут здорово будет, уж поверьте. Люди-то думают, что Чешир плоский как блин, да так оно почти что и есть. Но только не в этом месте, где я проживаю!

Они приближались к холму, и он вздымался перед ними, как крепость. Затем дорога взяла вправо, огибая подножье холма. С одной стороны простирались поля, а с другой высились крутые уступы. Деревья спускались прямо к самой дороге, это были высокие буки, которые, казалось, о чем-то перешептывались на легком ветру.

– А тут жутковато, – заметила Сьюзен.

– Ага, некоторые и впрямь так говорят, да мало ли чего болтают, была нужда всех слушать! Мы уже подъезжаем к деревне. Мы с вами обходной дорогой ехали. Терпеть я не могу ее, главную-то дорогу, стукотня да вонища, и Принц тоже не больно-то ее жалует. Мы сейчас через деревню не поедem, поглядите все, когда мы в пятницу за покупками наладимся. А сейчас нам вот сюда, в горку.

Они подъехали к перекрестку. Гаутер круто развернул тележку влево, и начался подъем. По обеим сторонам дороги высились живые изгороди, разделяющие сады при больших домах, располагавшихся на западном склоне холма. Подъем был крут, но коняшка неуклонно тащила тележку в гору, потом дорога неожиданно выровнялась. Принц всхрапнул и пошел ходче.

– Знает, что его ждет дома ужин. Так, что ли, парень? Теперь они были на самой вершине холма, сквозь прогалы в деревьях помаргивали огни, где-то там далеко, внизу.

Затем они свернули в переулочек, весь изрытый и ухабистый, и с последним закатным лучом остановились перед фермерским домом, расположенным в небольшом уступе холма. Остов дома был построен из темного дуба, а между сучковатыми древесными лучами виднелась белая штукатурка. Желтели освещенные изнутри окна, построенные в форме ромба, а крыша у дома была крыта слюдяной черепицей. Вся эта постройка казалась частью пейзажа, точно дом здесь вырос сам по себе.

Тут как раз и заканчивалось путешествие, это и была ферма Хаймост Рэдмэнхей, где Моссоки вели свое хозяйство вот уже три столетия, а может быть, и больше.

– Ну, бегите в дом. Сейчас Бесс накроет нам ужин, а я только задам Принцу овса.

Бесс Моссок (невысокая, пухленькая, щекастая и с такой же широкой улыбкой, как у ее мужа) до своего замужества была нянькой матери Сьюзен и Колина, и хотя мама ребят и Бесс не виделись целых двенадцать лет, они время от времени переписывались и обменивались подарочками на Рождество. Вот почему их мама обратилась с просьбой к Бесс, когда ей надо было вместе с папой уехать по работе на полгода за границу. И Бесс, по сути своей настоящая няня, с радостью согласилась помочь чем только сможет.

– И сам дом-то повеселеет, – сказала она, – оттого, что в нем на несколько месяцев поселится парочка ребятшек!

Бесс радостно с ними поздоровалась, первым делом расспросила о родителях, а потом повела наверх, показать им их комнату.

Когда Гаутер зашел в дом, они уже сидели за круглым столом в обширной, с низким потолком кухне, а на столе красовался непомерных размеров чеширский пирог.

От тяжелой, хоть и очень вкусной еды, от длинного путешествия ребят очень скоро так разморило, что они стали клевать носами тут же, сидя за столом.

И наконец, пожелав спокойной ночи хозяевам, Колин и Сьюзен отправились к себе наверх. Каждый в руке держал по свечке, потому что в Хаймост Рэдмэнхей не было электричества.

– Ух, я и устал!

– И я!

⁴ Фут – английская мера длины – примерно 30,5 см.

– Ну, вроде все нормально, а?

– Ага...

– Хорошо, что приехали, да?

– Угу.

Ребята плюхнулись в постели, задули свечки и заснули, не успев коснуться головой каждый своей подушки.

Олдерли Эдж

– Если хотите, – сказал Гаутер за завтраком, – можем маленько пройтись, до того, как приедет Сэм. Нам с ним последний стожок сена надо настожить, пока погода еще держится, а то к вечеру может нанести грозу.

Сэм Харлбат, тощий молодой человек лет двадцати четырех, был работником Гаутера, большой, кстати, специалист управляться с вилами. Этим утром он поддевал на вилы раза в три больше, чем Колин и Сьюзен вместе взятые, и тратил на это раза в четыре меньше усилий.

Часам к одиннадцати стог был готов, и они прохлаждались в его тени, и все с удовольствием пили из глиняного кувшина еще незабродивший яблочный сидр и радовались жизни.

Попозже за обедом Гаутер спросил у ребят, какие у них планы на остаток дня.

– Если можно, мы бы побродили по лесочку, – сказал Колин.

– Отлично, – согласился Гаутер. – Мы с Сэмом пороссячий загон будем чинить, там порядком работенки. Ступайте, побродите. Только поглядывайте под ноги, не свалитесь с яму. Там прежде медь добывали, так изрешетили всю гору шахтами да туннелями. Коли в туннель попадете, так уж точно заблудитесь, если даже и в яму не угодите, все равно дороги не найдете. Тут и крышка! Уразумели?

– Да, хорошо, что предупредили. Мы – осторожно.

– Возвращайтесь к пяти. Будем чай пить, – сказала Бесс.

– Осторожнее, помните про ямы! – крикнул Гаутер им вслед, когда они уже выходили из ворот.

Странно было обнаружить одиноко стоящую гостиницу на совершенно пустынной дороге. Ее белые стены и черепичная крыша выглядели так, точно простояли здесь века. Несуразное строение угнездилось среди окружавших его лесов: деревенская гостиница без деревни!

Колин и Сьюзен дошли до нее после того, как отшагали мили полторы по пыли и во влажной жаре. Гостиница называлась «Чародей». Над дверью красовалась вывеска. На ней был изображен мужчина, одетый вроде бы как монах, с длинной белой бородой и длинными волосами, а позади него – крестьянин в старинной одежде, который держал под уздцы вставшую на дыбы белую лошадь. А на фоне были нарисованы высокие деревья.

– Интересно, что все это обозначает? – сказала Сьюзен. – Напомни спросить Гаутера. Он, наверняка, знает.

Они свернули в лес. «Чародей» остался позади. Ребята шли между дубов, елей, сосен и серебристых березок, шагали вдоль папоротниковых зарослей по густой траве. Было тихо, как-то очень мирно и красиво. И вдруг Колин и Сьюзен вышли к совершенно голой скале, от которой струился жар, как от раскаленной печки. Внизу перед их взорами расстилалась чеширская равнина, напоминавшая желто-зеленое лоскутное одеяло, а фермы и дома казались отсюда игрушечными. В этом месте холм резко обрывался вниз на несколько сот футов, а справа от них местность поднималась каменными грядами и уступами до тех пор, пока не сливалась с громадой Пеннинских гор, которые маячили в легкой дымке где-то милях в восьми отсюда.

Дети постояли несколько минут молча, очарованные красотой открывшегося зрелища. Потом Сьюзен, заметив нечто поблизости от них, сказала:

– Гляди-ка! Это, должно быть, и есть шахта. Прямо от самых ног в глубь холма уходила какая-то траншея.

– Пошли, – сказал Колин. – Ничего страшного, если мы пройдем по ней, докуда будет светло.

С замиранием духа они ступили в траншею, но очень скоро их постигло разочарование. Траншея быстро закончилась круглой пещерой. В ней было холодно и сыро. Никаких тунне-

лей или проходов. Единственно, что могло привлечь внимание, это дыра в потолке пещеры, прикрытая продолговатым камнем, длиною примерно в ярд.⁵

– Ну и что? Ничего здесь опасного нет, – заметил Колин.

Все отпущенное им до чая время Колин и Сьюзен бродили по долинам Эджа, карабкались вверх и вниз по лесистому холму, где посередине высился всего один единственный бук. Иногда они углублялись в буковую рощу. И в таких местах было тихо-тихо. Там землю толстым слоем устилали только прошлогодние листья, там не было папоротников, не росла трава. Точно зима медлила уйти из этих мест и затаивалась под серо-зелеными буковыми деревьями. Когда они выбрались из такой рощи на свет, казалось, что попали в сад из темного подвала.

В своих странствиях они иногда натыкались на заброшенные шахты, но ни разу не зашли дальше, чем хватало дневного света.

Когда после довольно продолжительного подъема ребята уже собрались повернуть назад, они вдруг наткнулись на камень, над которым нависала скала. Со скалы через равные промежутки времени падали капли воды. Высоко на скале было выбито лицо человека с длинной бородой, а под изображением выгравированы слова:

Напейся воды,
Утоли свою жажду.
Капли падают
По повелению чародея.

– Опять чародей! – воскликнула Сьюзен. – Непременно надо обо всем этом разузнать у Гаутера. Пошли домой, спросим! Все равно, уже наверно, пора идти пить чай.

Ребятам оставалось пройти до фермы всего сотню-другую ярдов, как большая легковушка обогнала их и резко затормозила.

Какая-то дамочка вышла из машины и остановилась, поджидая Колина и Сьюзен. На вид ей было лет сорок пять, полная («толстая», как потом выразилась Сьюзен), голова ее прямо-таки лежала на плечах, точно никакой шеи у нее и в помине не было. Две глубокие складки пролегали от крыльев носа к уголкам ее тонкогубого рта, а глазки казались слишком маленькими на широком лице. Странное впечатление производили ее тоненькие, кривенькие ножки. Силуэт дамочки напоминал откормленного воробья, именно так описывала ее впоследствии Сьюзен.

Все это ребята разглядели, приближаясь к машине, в то время как водитель, то есть та самая дама, в свою очередь, пристально их разглядывала.

– Скажите, эта дорога ведет в Макклесфилд? – спросила она, когда ребята подошли к машине.

– К сожалению, мы не знаем, – сказал Колин. – Мы только что сюда приехали.

– Да? Давайте я вас подвезу. Залезайте в машину.

– Спасибо, – сказал Колин. – Мы уже почти дошли.

– Садитесь на заднее сиденье.

– Нет, что вы. Нам пройти-то всего ничего.

– Садитесь!!!

– Но мы...

Глазки толстой дамы вспыхнули злобой, краска бросилась в лицо.

– Вы... сейчас же... сядете... в машину!

– Да не беспокойтесь! Мы вас только задержим. Дама втянула в себя воздух сквозь сжатые зубы. Глаза ее закатились куда-то под лоб, веки спустились так, что на виду осталась только полосочка белка. Она начала что-то про себя нашептывать. Колину сделалось не по себе.

⁵ Ярд – английская мера длины, равная примерно 90 см.

Было не совсем вежливо просто повернуться и уйти, но она так странно себя вела, что ему очень захотелось уйти прочь, чтобы не видеть этих странностей.

- Омптатор, – сказала женщина.
- Что, простите?
- Лампидатор.
- Что вы сказали?
- Сомниатор.
- Как?
- Ква либергар опера фацитис...
- Я не очень-то силен в латыни...

Теперь Колину захотелось просто поскорее убежать. Она, должно быть, ненормальная. Ничего нельзя было понять из ее речей. У Колина взмок лоб. Ему сделалось нехорошо.

Затем где-то поблизости и весьма кстати залаяла собака. Дама издала яростный вопль и резко повернулась. Напряжение спало. Колин с удивлением увидел, что он держится за ручку задней дверцы машины, которая уже наполовину распахнута.

– Заткнись-ка, Скэмп, – послышался сердитый голос Гаутера. Он переходил дорогу, направляясь к своим воротам. Тем временем Скэмп отбежал от него и, ощерившись, рычал на машину.

– А ну, ко мне! – скомандовал Гаутер. Скэмп нехотя повернулся, а Гаутер помахал ребятам и показал рукой на дом, давая понять, что чай уже на столе.

– Это мистер Моссок. Он сможет указать вам дорогу на Макклесфилд.

– Не сомневаюсь, – огрызнулась дамочка и, не говоря больше ни слова, плюхнулась в машину и дала газ. При этом лицо ее выглядело точно грозовая туча.

– Ну, – сказал Колин, – что бы это все значило? У нее явно не все дома. Я ждал, что она вот-вот закатит нам истерику. Как ты думаешь, что это с ней?

Сьюзен не ответила. Она улыбнулась вымученной улыбкой и пожала плечами. И только когда они подошли к своим воротам, проговорила:

– Не знаю. То ли это от жары, или потому что мы перегуляли, но все время, пока ты разговаривал с этой теткой, мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок. Но страннее всего то, что моя слезка замутилась.

Сьюзен очень любила свою слезку – кусочек горного хрусталя, отшлифованный в виде капли. Хрусталь был оправлен в серебро и прикреплен к серебряному браслету-цепочке. Мамин подарок. Сьюзен его никогда не снимала. В общем-то обычный камешек, но Сьюзен заметила давно, еще когда была поменьше, если камешек повернешь особым образом, ну так, чтобы на него прямо падал луч света, тогда... тогда удавалось разглядеть в самой глубине, в самой сердцевине хрусталика столб колеблющегося голубого пламени, оно подрагивало, шевелилось, двигалось, было живым и очень красивым.

Бесс Моссок захлопала в ладоши, когда увидела Слезку на запястье у Сьюзен.

– О, да это же Брайдстоун! Подумать только, что он сохранился в целости столько времени!

Сьюзен ничего не поняла, но Бесс продолжала говорить.

Выяснилось, что эта капелька, как она сказала, досталась ей от матери, а той – от ее матери, и так дальше, и почему камень назывался Брайдстоун, все позабыли, но он всегда, всегда переходил от матери к дочери, и происхождение камня потерялось где-то в отдаленные времена. И Бесс подарила его их маме, потому что этот камешек всегда нравился детям, и «твоя мама не была исключением», добавила Бесс.

Лицо у Сьюзен вытянулось.

– Но тогда я должна вернуть его тебе, раз это семейная драгоценность...

– Да ничего подобного! Пусть он будет у тебя. У меня же нет своих детей, а мама твоя была мне все равно что дочь. Я вижу, камешек попал в хорошие руки.

Обычно слезка всегда поблескивала на руке у Сьюзен, но в минуты, проведенные возле машины, камень вдруг затуманился и сделался цвета молочной сыворотки.

– Пошли, Сью! Попьешь чаю, может, тебе и полегчает. Где Гаутер?

– Но Колин! – воскликнула она, протягивая руку с браслетом. Она уже приготовилась сказать «посмотри же», но слова замерли у нее на губах, потому что хрусталь подмигнул ей, прозрачный и чистый, как всегда.

Паршивое племя из Имира

- А что эта баба, Селина Плейс, к вам вязалась? – спросил Гаутер за чаем.
- Селина Плейс? – переспросил Колин. – Кто это?
- Но вы же разговаривали с ней, когда шли домой. Ее, между прочим, не часто застанешь, чтоб она с кем говорила.
- Откуда ты ее знаешь? Она же нездешняя. Она ведь и остановилась, чтобы спросить дорогу на Макклесфилд.
- Что-что? Обалдеть можно! Селина Плейс живет в Олдерли столько, сколько я себя помню.
- Да?!
- Точно говорю. Она живет в одном из больших домов. Такой дурацкий, как сарай, домище. Торчит с другой стороны холма. Она ТАМ одна. Говорят, у нее три собаки. Если бы меня спросили – не собаки это, а волки. Я, правда, их не видал, она их никогда не выводит. Только я сам слышал, как они зимними ночами так завывают, что не враз забудешь. И больше она ни про что не говорила? Только спросила дорогу на Макклесфилд?
- Только, – сказала Сьюзен. – И еще она подумала, раз мы здесь недавно появились, надо нас подвезти на машине. Но как тебя увидела – прыг в машину и рванула от нас. По-моему, у нее не все дома.
- Ты бы с ней поговорил, – сказала Бесс Гаутеру. – Что-то это все как-то подозрительно. Чего-то она затевает.
- Да брось ты! Дик Торникрофт всегда говорит, что она маленечко того. Видать, так оно и есть. Но все равно, от таких, как она, надо держаться подальше. И я бы на вашем месте ни в какие чужие машины не садился. Ну, а теперь, как я понял, вы порядком походили по местности, давайте я вам расскажу, что тут и где, чтобы вы не плутали. То местечко, откуда, вы говорите, вид такой красивый, называется Грозовая Вершина, а пещера с дырой наверху – это Чертова Могила. Если обежать ее три раза против часовой стрелки, говорят, сам нечистый может из нее выскочить.
- И все время, пока пили чай, Гаутер развлекал ребят рассказами о том, что они сегодня видели. Точно поддразнивая их, он не касался самого главного. Но, наконец, настал черед рассказа о чародее.
- Я нарочно приберег разговор о нем на самый конец. Это длинная история. Но теперь чай допит, и я могу поведать вам все без помех.
- И Гаутер рассказал Колину и Сьюзен легенду Олдерли Эдж.
- Говорят, жил на свете фермер в Моберли, и был у него белый как молоко конь...
- ...и с тех пор больше никто никогда не видел ни чародея, ни железных ворот.
- И это все правда? – спросил Колин.
- Некоторые думают, что так. Но если даже это и случилось, то так давно, что никто не может вспомнить, где же искать эти железные ворота. Я думаю, это просто легенда. Но ее приятно рассказать, напившись чайку.
- Верно, – согласилась Сьюзен. – Но наш папа всегда говорит, что дыма без огня не бывает.
- Да, в этом что-то есть, – засмеялся Гаутер. После чая Колин и Сьюзен пошли вместе с Гаутером отнести яичек бедной вдове, которая жила в маленьком домике чуть повыше, сразу же за межой. Когда они возвращались домой через Риддингс – так называлось поле, круто спускающееся с холма, – Гаутер заметил огромную черную птицу, кружившую в воздухе как раз над их двором.

– Надо же! Ворон-стервятник. Интересно, чего это он высматривает? Если он не убежится, схожу за своим ружьем. Нам такие гости не нужны, они ягнят таскают. Привечер Колин предложил сестре еще одну прогулку. На него легенда произвела сильное впечатление, и ему захотелось сделать попытку отыскать железные ворота.

– Ну, удачи вам, – сказал Гаутер. – Не вы первые, мысля, не вы и последние.

Колин и Сьюзен исходили всю Грозовую Вершину и поднялись даже чуть выше, но там торчало столько скал и было столько навалено огромных валунов, что каждый из них мог бы таить железные ворота. Устав выкликать «абракадабра» и «сезам, откройся», они прилегли отдохнуть на поросшем травой земляном валу как раз под гребнем одного из уступов Эджа и стали глядеть на солнце, садившееся за край долины.

– Я думаю, нам пора, Колин, – сказала Сьюзен, когда солнце совсем уже скрылось. – Если мы не выйдем на дорогу до темна, недолго и заблудиться.

– Ну, ладно. Только давай вернемся к Грозовой Вершине по другой стороне этого гребня, для разнообразия, а? Мы там еще не ходили.

Он повернулся и пошел, а Сьюзен двинулась следом через гребень и – к деревьям.

Перебравшись через хребет, они оказались в лощине, где между валунов рос папоротник, а по краям выступали скалы, на которых виднелись глубокие трещины, расщелины и пещерки. А дальше – высокий сводчатый буковый лес точно шагал с холма вниз и терялся в вечерней дымке. В воздухе стояла гнетущая тишина, точно в ожидании грозы. Единственный звук, который улавливало ухо, был комариный писк, и всюду распространялся густой, сладковатый запах папоротника.

– Мне... мне не нравится здесь, Колин, – сказала Сьюзен. – Я чувствую, что кто-то за нами наблюдает.

Колин не посмеялся над ней, как он сделал бы это в другое время. У него тоже гнезилось какое-то ежистое чувство где-то между лопаток. И действительно, вроде что-то крадучись двигалось в глубокой тени скал, что-то такое, что никак не попадало в поле зрения. Он с охотой повернул назад, чтобы выйти на знакомую тропу.

Но они не успели пройти и ярда, как Колин остановился и засмеялся.

– Гляди! За нами действительно наблюдают! Прямо перед ними на высокой скале сидела птица. Она вытянула шею и, не мигая, глядела на ребят.

– Это тот ворон-стервятник, который летал возле фермы после чая!

– Не говори глупостей. Как ты сумеешь узнать его, может, их тут десятки летают!

Тем не менее и Колину не понравилась эта птица. Она неподвижно, сторбатившись, маячила на скале и глядела именно на них, да еще и с явным интересом. Детям было не миновать идти мимо нее, раз они решили вернуться на тропу. Колин сделал шаг, стал махать руками и кричать «шу-у-у!» каким-то жалким и нестрашным голосом.

Птица не шевельнула ни одним перышком.

Колин и Сьюзен медленно продвигались. Им очень хотелось побежать. Но злые глаза ворона словно удерживали их. Как только ребята достигли середины лощины, птица громко и резко закаркала. И мгновенно со стороны скалы ей ответил пронзительный вопль, и из густой тени с обеих сторон выскочило десятка два странных существ. Были они ростом всего в три фута и напоминали людей, тощих и тонконогих, с большими плоскими ладонями и ступнями. Головы их были несоразмерно велики, остроухие, с глазами круглыми, как блюдца, рты с отвисшей нижней губой, откуда выглядывали остренькие, как иголки, зубы. Кожа большинства из них отливала мертвенной бледностью, но некоторые были смуглыми, и почти все – совсем лысы. Кое-кто из них держал в руках мотки тонкой черной бечевы, а из одной из пещерок вывалилась целая орава, которая тащила сеть, сплетенную в виде паутины.

На мгновение ребята точно вросли в землю. Но только на мгновение. Их потрясенный мозг отказывался работать, но зато включился инстинкт. Они помчались вдоль лощины и

сквозь прогал ринулись в буковый лес. Когтистые пальцы разжались, и вслед им, как змея, зашипела черная бечева, но ребята успели скрыться за деревьями и уже спускались по склону, проваливаясь в толщу прошлогодних листьев.

– Стой, Сью! – завопил Колин.

Он вдруг ясно понял, что спастись они могут только попав на тропу, которая ведет к дороге: на твердой земле их длинные ноги давали им тонюсенький шанс убежать.

– Стой, Сью! Нам... не надо... спускаться... дальше. Надо... как-нибудь попасть... на Грозную Вершину!

Все это время Колин старался увидеть хоть какую-нибудь приметку тропинки, но в сумерках, да и от страха, должно быть, он ничего не мог разглядеть. Колин сознавал только, что их путь должен идти вверх, им не надо спускаться с холма. И вот, наконец, сквозь деревья он увидел то, что требовалось. Вверху, на расстоянии ста футов, на фоне неба высился похожий на зуб валун. Колин приметил его раньше, когда они шли по дорожке, которая вела их как раз от Грозной Вершины.

– Валун! – крикнул он. – Правь на тот валун! Сюзен поглядела, куда он указывал, и кивнула. Они стали карабкаться вверх по склону, ногами и руками пытаясь нащупать твердую почву в море прошлогодних листьев, достигавшем почти что до колен. Тропинка, которую они искали, уводила прочь от лощины, и то, что ребята ринулись по диагонали холма, спасало их от преследователей. А те легонько скользили за ними по поверхности листьев, и поэтому им было непросто остановиться смаху, когда они заметили, что беглецы резко изменили направление. Но теперь преследователи ринулись ребятам наперерез, низко пригибаясь к земле.

Колин и Сюзен удвоили усилия. Постепенно они отрывались от преследователей, вот они были уже выше их, и опасность, что их отрежут от дороги, миновала. Колин нащупал нечто твердое в ворохе листьев, судорожно схватил это, оказавшееся большой буковой веткой, и швырнул ее в передний отряд преследователей. Те покатались вверх тормашками и свалились на тех, что бежали позади с веревками и сетью.

Это дало ребятам несколько ярдов и несколько секунд выигрыша, хотя их бегство все еще походило на кошмарный сон; невидимые под палыми листьями ветки мешали бежать, толстый слой листьев гасил скорость. Но вот наконец они выбрались на тропу, сердца их колотились, дыхание прерывалось, воздух точно всхлипывал в легких.

– Скорей, Сью! – выдохнул Колин. – Бегом! Они... уже... недалеко!

Страх придавал силы, ребята изо всей мочи помчались по тропе. Высоко над их головами резко трижды прокричала птица, и мгновенно воздух наполнился быстрыми, торопливыми ударами гонга. Казалось, звуки доносятся откуда-то издалека, и вместе с тем они были вот здесь, рядом, возле них, в воздухе и под землей тоже.

Колин и Сюзен выбежали из леса и ринулись к Грозной Вершине. Но радость их прожила недолго. До сих пор они спасались примерно от двух десятков существ, а теперь перед ними возникли сотни, которые выплескивались из Чертовой Могилы целым потоком, как муравьи из муравейника.

Ребята остановились в полном отчаянии. Исчезла последняя надежда добраться до дороги, путь был отрезан и спереди, и сзади. Слева высился мрачный буковый лес, а справа почти голый склон, окаймленный редкими соснами, вел вниз, в долину. Но там, по крайней мере, не было видимой опасности, и они повернулись и побежали, скользя вниз по песчаной тропе, пока не плюхнулись в глубокую черную болотистую грязь, заплесневелую жижу из гниющих листьев. И конца этому болоту не было видно. Они сделали несколько шатких шагов, подгоняемые звуками уже совсем близкой погони, но тут Сюзен, зашатавшись, рухнула на ствол поваленного дерева.

– Я больше не могу, – всхлипнула она. – Мои ноги больше не идут.

– Можешь, можешь! Еще немножечко! Колин заметил высокий валун: если они до него доберутся, им будет легче. Здесь, в трясине, их положение было хуже некуда. Он схватил сестренку за руку и потащил ее по чавкающей грязи к подножью валуна.

– Лезь! – скомандовал он.

И пока она карабкалась вверх к плоской вершине, Колин, прижавшись спиной к выступу, повернулся лицом к преследователям.

Край болота был весь покрыт шевелящимися телами. Луна взошла и освещала их белесую кожу и отражалась в их глазищах. Колин видел, как белые фигуры обтекают валун со всех сторон. Они не спешили, – теперь им было ясно, что у ребят пути к отступлению нет.

Колин взобрался на валун вслед за сестрой. У него каждый мускул дрожал от напряжения и усталости.

Плотно сомкнув кольцо вокруг валуна, страшные существа стали к нему приближаться. Они не проваливались в трясину, держась на своих широких, как ласты, ступнях. Толпа продвигалась все ближе и ближе, и вот уже камень стал тонуть в море ухмыляющихся физиономий.

Со всех сторон засвистели бечевки, извивающиеся в воздухе наподобие змей. Они были мягкие как шелк и крепкие как железо. Они прилипали к ребятам, точно были смазаны клеем. В мгновение ока Колин и Сьюзен оказались опутанными липкими веревками, и на них набросилась толпа – щипала их, тыкала в них палками, заламывала им руки, и вскоре ребята уже лежали скрученные, как коконы, только головы торчали наружу.

Враги уже начали поднимать их на свои костлявые плечи, как вдруг случилось чудо. Что-то ярко сверкнуло, и весь камень точно охватило голубое пламя. Оно не обжигало, но преследователи валились с ног и, шипя, падали в болото, а связывавшие ребят веревки обуглились и рассеялись в прах. И круг нечисти вокруг валуна разомкнулся.

Затем, сквозь сгущающуюся темноту откуда-то сверху над их копошащейся толпой раздался голос:

– С каких это пор дети человеческие стали настолько сильны, что вы сотнями нападаете всего на двоих? Убирайтесь отсюда, паршивое племя из Имира, иначе я потеряю терпение!

Как только раздался первый звук голоса, толпа умолкла и стала отступать, издавая злобное шипение, потом заколебалась, рассыпалась, освещенная голубым пламенем, и обратилась в бегство.

Ребята ошеломленно прислушивались к удаляющимся шагам, думая, что все это им снится. Вскоре до них доносился только дробный стук скатывающихся с противоположной стороны холма камней.

Наконец все стихло. Языки голубого пламени вокруг валуна померцали, замерли, исчезли. Луна мирно освещала успокоившуюся долину.

Когда глаза ребят привыкли к этому бледному свету, они разглядели на тропе под скалой, чуть повыше валуна, необычного старика, ростом выше любого из тех, кого они знали, и тоньше. На нем была белая мантия, его волосы и борода тоже были белыми, в руке он держал белый жезл. Старик глядел на Колина и Сьюзен, и когда они, освобожденные от пут, выпрямились и сели, он снова заговорил, но на этот раз в его голосе не было гнева.

– Быстрее, ребята, пошли, иначе может появиться кто-нибудь и похуже свартов. Честное слово, я чувствую в воздухе много зла в эту ночь. Меня вам бояться нечего.

Он улыбнулся и протянул руку. Колин и Сьюзен слезли с валуна и двинулись по хлюпающей жиже ему навстречу. Они дрожали от холода, несмотря на свои пальтишки и несмотря на недавнюю гонку.

– Держитесь ко мне поближе. Ваша беда миновала, боюсь, правда, что только на сегодняшнюю ночь, но все равно, не надо рисковать.

И он прикоснулся к скале жезлом. Что-то глухо гроыхнуло, в скале образовалась трещина, откуда вынырнул тоненький голубой лучик. Трещина стала шире, за ней обнаружился

высокий и узкий туннель, который вел прямо в скалу. Он освещался голубым светом, похожим на тот, что рассеял толпу на болоте.

Старик подтолкнул Сюзен и Колина к входу в туннель, и как только они миновали порог, проход закрылся за ними, оставляя снаружи ночь с ее кошмарами.

Туннель был довольно коротким, вскоре они подошли к дубовой, окованной железом, двери. Ребята отошли в сторону, пока старик возился с замком.

– Иногда, где чародейство бессильно, дуб и железо могут оказаться надежной защитой, – заметил он. – Ага! Вот так! Ну, заходите, заходите, отдыхайте.

Фундиндельв

Они оказались в пещере, которая не то чтобы была уставлена мебелью, но выглядела вполне уютно. Длинный деревянный стол стоял посередине, возле него – несколько резных стульев, а в углу были сложены звериные шкуры, пушистые, теплые, мягкие.

Через всю пещеру протекал, булькая, тоненький ручеек, он прорезал желоб в полу из плотного песчаника. У самой стены пещеры, там, где он вытекал наружу, образовывался неглубокий водоемчик. Чародей зачерпнул из него воды двумя бронзовыми чашами и подал их Колину и Сьюзен.

– Отдохните, – сказал он, указывая на мягкую постель из шкур. – И попейте этой воды.

Ребята опустились на шкуры и стали пить, прихлебывая прозрачную ледяную воду. Усталость как рукой сняло с первым же глотком, по телу разлилась теплота. Их подавленный пережитым мозг прояснился, настроение поднялось.

– О! – воскликнула Сьюзен, озираясь, как будто только что разглядела все, что ее окружает. – Этого не может быть! Мы, конечно же, спим. Колин, как нам проснуться?

Но Колин пристально смотрел на старика и как будто не слышал ее вопроса. У этого, несомненно, старого человека, тело было крепко, корпус прям, как у молодого. Его серые пронизательные глаза выражали мудрую печаль, губы были плотно сжаты, но явно принадлежали доброму человеку, способному улыбаться.

– Так значит то, что говорит легенда – правда? – спросил Колин.

– Да, – ответил чародей. – И лучше бы того, о чем там говорится, вовсе не было, потому что тот день стал для меня несчастным днем. Ну, да хватит о моих печалях. Первым делом мы должны понять, что в вас такого, что могло привлечь внимание сварт-альфаров. В самом деле это необъяснимо, почему человеческие дети вызвали у них такой интерес.

– Это все так странно, – перебила его Сьюзен. – Пожалуйста, не могли бы вы прежде рассказать нам, что же все-таки случилось, и кто были эти существа из болота. Мы даже не знаем, кто вы, хотя мне кажется, что вы – тот самый чародей.

Старик улыбнулся.

– Простите меня. Я сейчас слишком разволновался и совсем упустил из виду, что вам здесь не все понятно. А вы сегодня навиделись всякого. Кто я такой? Разные народы называли меня по-разному, в разные времена за долгие земные века у меня было много имен. Некоторые из них сейчас не должны произноситься, а некоторые вам, наверное, и не выговорить. Называйте меня Каделлин, так, как меня будут звать в будущем. Мне думается, что наши пути сойдутся на какое-то время. Те, кто на вас нападал – одна из разновидностей гоблинов,⁶ – сварт-альфары на их языке. Они довольно трусливы, любят темноту, а солнце ненавидят, предпочитают духоту темных, укромных мест, редко появляются на поверхности земли, и только тогда, когда на это есть особые причины. Они не знают волшебства, так что лично мне они не опасны. Но вам пришлось бы плохо, если бы шум, который они подняли, не прокатился бы эхом внутри моего холма. А теперь расскажите мне, вы-то кто такие и что навлекло на вас опасность сегодня ночью.

Колин и Сьюзен рассказали обо всем шаг за шагом, что их привело в Олдерли Эдж, и что они делали по прибытии.

– А сегодня после обеда мы обследовали Эдж, – сказал Колин в заключение, – потом были на ферме, а потом вечером, примерно в полвосьмого, опять пришли сюда. И мы ничего такого не делали, чем бы вообще кто-нибудь мог заинтересоваться.

⁶ Гоблин – традиционный персонаж английского фольклора, чаще всего отрицательный.

– Хм, – сказал Каделлин, задумавшись. – А теперь поведайте мне, как происходило нападение, потому что я пока не вижу никаких причин.

Ребята рассказали о том, как они убегали и как их связали, и, выслушав все, чародей некоторое время хранил молчание.

– Да, загадочно, – сказал он наконец. – Ясно, что ворона послала устроить так, чтобы они вас изловили. Но кто послал – я не имею понятия. Почему мортбрудам надо было за вами охотиться, почему? Тут я теряюсь совершенно. И все-таки нам необходимо обнаружить причину. Это нужно не только для вашей безопасности, но и для моей. Моя погибель – это и есть их главная цель. Я боюсь, как бы вы, сами того не ведая, не способствовали бы им в этом. Может быть, их следующий шаг прольет какой-то свет на события прошедших суток. Все они скоро услышат о том, что произошло этой ночью, и очень встревожатся. Я постараюсь охранить вас, сколько смогу, да и в этом лесу вы найдете себе друзей, равно, впрочем, и врагов.

– А почему вы-то в опасности? – спросила Сьюзен. – И кто они – эти, как их – мортбруды?

– Ах, это длинная история, да к тому же и позорная для меня. Но, думаю, вам следует ее знать. Итак, если вы уже немного отдохнули, пойдемте со мной, и я покажу вам то, что и будет частичным ответом на ваш вопрос.

Каделлин вывел ребят из пещеры и повел вниз, в самую глубину холма по узкому, извилистому туннелю. По мере того, как они продвигались, воздух становился холоднее, а странное освещение делалось более пронзительным, меняя свой голубой цвет на белый. Наконец они дошли до другой пещеры, длинной и с низким потолком. Там слышалось тихое дыхание, точно шелест морской волны, набегающей летним днем на берег. И в тот же миг глазам ребят предстали спящие рыцари, одетые в серебряные доспехи, а рядом с каждым из них – белоснежная лошадь. Все выглядели в точности так, как в описании Гаутера, когда тот пересказывал легенду. Сонное дыхание лошадей также наполняло пещеру нежными звуками. А вокруг неподвижных фигур и над ними беззвучно трепетали языки белого пламени.

Посредине пещеры пол поднимался, как бы образуя естественное ложе из камня, и на нем лежал рыцарь прекраснее всех его спящих товарищей. Голова рыцаря покоилась на шлеме, украшенном драгоценными камнями и кольцами из золота, а гребень был сделан в виде дракона. Рядом с ним лежал обнаженный меч, на клинке которого были изображены две золотые змеи, и так ярко сверкал этот клинок, что казалось, будто змеиные пасти испускают пламя.

– В давние-стародавние времена, – сказал Каделлин, – много раньше, чем люди стали запоминать и писать книги, Настронд, Великий Дух Тьмы, пошел войной на равнину. Против него встал могущественный король, и Настронд потерпел поражение. Тогда он сбросил свой земной облик и удалился в пустыню Рагнарок, и люди ликовали, считая, что зло на земле побеждено навсегда. Но король в глубине души догадывался, что такое вообще невозможно. И вот он собрал широкий совет чародеев и мудрецов и спросил их, что ему делать, если враг внезапно появится снова. И было предсказано, что когда Настронд появится вновь, ему суждено победить, потому что тогда не останется ни одного человека достаточно чистого душой, чтобы противостоять ему. К этому времени он привьет малую частичку самого себя к сердцу каждого человека. Теперь он навевает злые мысли из своего лежища в Рагнароке, и эти злые мысли будут непрестанно кружить вокруг людей, пока даже самые крепкие не соблазняются и в каждом сердце не найдется опоры для злобы. Но все-таки еще оставалась надежда. Мир еще можно будет спасти, если отряд рыцарей, отважных и чистых душой, станет преградой на его пути и заставит его вновь укрыться в преисподней. Они будут сильны не числом, а своей чистотой и доблестью. И тогда созрел план.

Король отобрал самых достойных из своих рыцарей, отправился с ними в Фундиндельв, в старинные пещеры, раньше прорытые гномами. Там их погрузили в зачарованный сон. После этого самые могущественные маги и волшебники начали творить чары. Они трудились вместе день и ночь без пищи и сна, и вот наконец Фундиндельв оказался под надежной защи-

той самого могущественного в мире волшебства. Это волшебство должно было не допустить, чтобы рыцари старели и слабели с ходом времени. Никакое зло не в состоянии к ним проникнуть. А самую суть этого волшебства запирает Огнелед, волшебный камень Бризингамена. И этот камень, и сами рыцари были поручены моему попечению. Я был обязан оставаться здесь, пока не пробьет час. Тогда я должен разбудить воинов и отправить их на битву со злыми силами Настронда.

– Но, Каделлин, – спросила Сьюзен, – как вы можете надеяться победить с отрядом всего в сто сорок человек, верхом на лошадях?

– Ах, – сказал Каделлин, – помни, что час Настронда еще не настал. Было же предсказано, что они могут послужить его гибели, и, кто знает, может, время совершит полный круг к тому часу.

Это загадочное замечание ничего не объяснило Сьюзен. Но пока она пыталась понять, что означали слова Каделлина, он вернулся к своему рассказу.

– Так случилось, что к тому времени, когда волшебными чарами закрывали Фундиндельв, как ни искали, сумели найти только сто тридцать девять снежно-белых коней, молодых еще и неезженных. Мне было поручено найти последнего коня. И я наконец нашел его. Кто же знал тогда, что этот конь мне так дорого обойдется.

Но я еще вернусь к этому. А пока расскажу о Настронде. Конечно, сведения о том, что мы сделали в Фундиндельве, вскоре докатились и до Настронда. Он и разгневался, и испугался. Однако его черные чары были слабы против наших. И тогда он составил свой сатанинский план. Дело в том, что в комнате, расположенной по соседству с той, где спят Зачарованные нами, были собраны самоцветы и драгоценные металлы. Все это предназначалось для того, чтобы в случае поражения Настронда сокровища могли пойти на то, чтобы окончательно искоренить мировое зло. Этот клад находится в безопасности, поскольку он укрыт в Фундиндельве, до тех пор, пока действуют чары. Самому-то Настронду не было дела до сокровищ, он страстно желал разрушить чары, потому что, если бы это удалось, рыцари проснулись бы, сделались бы обычными людьми, постарели бы и умерли, и столетия промчались бы до того, как Настронд вернется, и к тому времени не останется в мире вообще никакого волшебства.

Он созвал колдунов и ведунов, мортбродов, старейшин сварт-альфаров и своих управителей и внедрил алчность в их сердца, обещав отдать им все сокровища, как только они до них доберутся. И с этого часа они стали добиваться того, чтобы разрушить чары Фундиндельва. Первоначально мне не о чем было беспокоиться, потому что колдовство мортбродов, хоть и могущественное, так же, как и молоты и лопаты сварт-альфаров, было бессильно там, где сам Настронд не мог справиться. Но однажды, когда я наконец нашел недостающую белую лошадь, случилось несчастье.

Этот свет, который нас тут освещает, и есть охраняющие чары, это пламя разрушительно для тех, кто служит Настронду. И источник чар, как я уже сказал, заключается в камне, называемом Огнелед. Пока Огнелед существует и свет не меркнет в Фундиндельве, рыцари находятся в безопасности. Но каждый день я дрожу от страха, что пламя заколеблется и погаснет, и я услышу конское ржание и говор людей, пробуждающихся ото сна. Потому что я утратил волшебный камень Бризингамена!

Голос Каделлина дрогнул от гнева и стыда, когда он проговорил это. И он стукнул рукояткой своего жезла об пол.

– Утратили, – воскликнула Сьюзен. – Не может быть! Но раз это такой особенный камень, его же легко было бы найти тут где-нибудь, а?...

Чародей мрачно улыбнулся.

– Но его здесь нет. В этом я, по крайней мере, вполне уверен. Пойдемте, и я представлю вам доказательство того, что сказал.

Он кивнул в сторону небольшого отверстия в стене, которое вело в короткий туннель, не более тридцати футов в длину. На полпути Каделлин остановился возле круглого тайника в стене высотой примерно в шесть дюймов⁷ на уровне ярда от пола.

– Вот престол, где пребывал Огнелед, и вы видите, что теперь он пуст.

Они прошли чуть дальше, где была пещера, похожая на предыдущую, и ребята замерли на пороге в каком-то священном ужасе.

Здесь находилось сокровище. Целые горы драгоценных камней, и серебро, и золото лежали точно песчаные дюны на берегу, края которых терялись в отдалении.

– Ох, какая красота! – воскликнула Сьюзен. – Как все блестит и переливается разными цветами!

– Тебе бы все это не казалось такой красотой, если бы ты перебрала своими пальцами каждый камешек, каждый бриллиант, каждую жемчужину, все сапфиры, аметисты и опалы, все топазы, изумруды и рубины во всей этой огромной пещере в поисках камня, которого здесь нет! Я потратил пять лет кропотливого труда в этой пещере и многие недели, осматривая все переходы и галереи в Фундиндельве, но все тщетно. Я могу только предположить, что этот подлец-фермер оказался более жадным и более хитрым мошенником, чем казался, и, когда он следовал за мной к выходу, нагруженный неслыханными сокровищами, его взгляд упал на заветный камень, и он незаметно схватил его, не сказав мне ни слова. Может быть, он принял его просто за хорошенький пустячок, а может, приметил, как я клал камень на место после того, как погрузил в сон его лошадь, пока он набивал сокровищами свои карманы.

Мне незачем заходить в эти помещения часто, и, должно быть, целое столетие прошло до того, как обнаружилась пропажа. Сначала я все обыскал здесь. Потом пошел к людям в поисках фермера или его семьи. Конечно, к этому времени он уже умер, и я не отыскал даже следов его потомков. И хотя я был очень осторожен, мортбруды все-таки что-то пронюхали, и им не составило труда догадаться, что произошло. Они прочесали всю равнину, облазили все суровые вершины на восток отсюда вплоть до самого Рагнарока, но ни они, ни шнырявшие по земле хорьками сварты не нашли того, что искали. Между прочим, как, к сожалению, и я тоже.

Если бы Настронд овладел Огнеледом, опасность для меня стала бы поистине огромной, и, хотя перед чарами Огнеледа даже Настронд бессилен, если бы он разбил камень, то и чары бы погибли.

Огнелед был могущественным волшебным камнем еще до того, как он получил новые силы, и его не так-то легко уничтожить. И пока синее пламя полыхает в Фундиндельве, я знаю, что он невредим, и это оставляет надежду.

Вот и вся история моих печалей. Думаю, что я ответил на ваш вопрос. А теперь вам пора домой, час уже поздний, ваши друзья, наверно, уже беспокоятся, и у них еще будут причины для беспокойства, если мы не разгадаем загадку того, что произошло сегодня.

Они снова миновали пещеру Рыцарей, оттуда прошли туннелями и пересекли обширные пещеры, и шли до тех пор, пока у них на пути не возникли железные ворота, за которыми виднелась каменная скала. Чародей дотронулся до ворот своим жезлом, и они беззвучно растворились.

– Эти ворота были сработаны еще гномами, чтобы защитить сокровища от воровских набегов свартов, но без чар они бы не сумели остановить ту темную силу, которая ведет охоту сейчас.

Проговорив это, Каделлин приложил ладонь к скале, и в ней образовался проход, сквозь который потянуло ночным воздухом, холодным и тяжелым от росы.

Снаружи было темно. Колин и Сьюзен вспомнили недавно пережитый страх, и им очень не захотелось покидать светлый и безопасный Фундиндельв.

⁷ Дюйм – английская единица длины, равная 2,5 см.

Держась ближе к Каделлину, они осторожно переступили через порог и вновь оказались под деревьями, росшими на склоне холма.

И ворота и скала закрылись за ними с таким грохотом, что вздрогнула земля. И когда глаза их привыкли к слабому лунному освещению, Колин и Сьюзен увидели, что стоят перед тем, похожим на зуб, валуном, до которого они так стремились добраться, когда сварты гнались за ними.

Слева, в отдалении, ребята увидели темные очертания гребня холма.

– Вот здесь они на нас напали, – сказал Колин, показывая в направлении холма.

– Вы меня не удивили, – усмехнулся чародей. – Там они сроду водились, эти сварты. Хорошенькое местечко любоваться солнечным закатом!

Они поднялись по тропинке, ведущей к Грозовой Вершине. Кругом был покой: только вершины холма и лунный свет. Когда они миновали темную щель Чертовой Могилы, Колин и Сьюзен инстинктивно притулились к Каделлину, но ничто не шевелилось в черной глубине этой пещеры.

– А что, сварты живут во всех пещерах? – спросила Сьюзен.

– Да, почти. У них есть и свои участки. Но когда люди здесь выкопали шахты, сварты последовали за людьми, считая, что это им поможет обнаружить сокровища Фундиндельва. А когда люди покинули эти места, они мгновенно расселились по всей местности. Поэтому любой ценой вы должны держаться подальше от заброшенных шахт.

Каделлин повел ребят незнакомой им дорогой, которая шла напрямик через лес и выводила к полям, затем она резко сворачивала и вилась вдоль луговины, обходя лесистые места. Эта дорога была, как сказал чародей, некогда проложена эльфами, и кое-какие их чары все еще сохранялись над ней. Сварты этой дорогой не пользовались, а мортбруды ступали на нее лишь в случае крайней необходимости, да и то не могли долго тут находиться. Каделлин настаивал, чтобы ребята воспользовались именно этой дорогой в том случае, если возникнет нужда снова встретиться с ним, и ни в коем случае никуда не сворачивали, потому что в некоторых частях леса таится зло, и места эти очень опасны.

– Впрочем, вы сами имели случай в этом убедиться, – добавил он. – Разумнее вообще держаться подальше от леса, и в любом случае не выходить из дома после того, как сядет солнце.

Дорога эльфов кончилась возле гостиницы «Чародей». Они прошли еще несколько ярдов, как вдруг послышался грохот копыт и из-за угла показалась лошадь, запряженная в тележку, по обеим сторонам которой мерцали керосиновые фонарики.

– Это Гаутер!

– Не говорите ему обо мне ничего!

– Но как же... – начала было Сьюзен. Но они стояли на дороге одни.

– Тпру! – скомандовал Гаутер Принцу и, когда тележка, заскрипев, остановилась, он свесился с сиденья.

– Эй, вы! Вам не кажется, что уже поздновато гоняться за чародеями? Время уже одиннадцать!

– Не сердись, Гаутер, – сказал Колин. – Мы не нарочно. Мы заблудились и застряли в трясине, а потом долго искали дорогу.

Он подумал, что Гаутер легче воспримет эту полуправду, а к тому же Каделлин, по-видимому, хотел, чтобы его существование сохранялось в тайне.

– Ну ладно, не будем про это. Только впредь будьте поосторожнее, все-таки тут столько всяких ям, Бесс чуть было не вызвала полицию и наряд пожарных. Давайте, быстро садитесь. Если вы болтались по болоту Холлиуэлл, то вам уж точно потребуется ванна.

Дома Колин и Сьюзен, не теряя времени, стащили с себя испачканную одежду и залезли в клубящуюся паром ванну. Оттуда они напрямик отправились спать. Бесс, которая кудахтала

и квохтала возле них, как наседка, принесла им в постель по куску посоленного хлеба и по кружке теплого молока.

Отмывшиеся, согревшиеся и сытые, ребята уже не имели сил о чем бы то ни было думать, ни тем более обсуждать свои приключения. Когда они обуютились, свернувшись калачиком между чистых простынок, все показалось каким-то неясным и странным. Во всяком случае, бодрствовать было далее невозможно.

Колин скользнул в какой-то перепутанный мир, где были поезда и черные птицы, папоротниковые заросли, туннели, прошлогодние листья и белые лошади.

– О, Господи, – зевнул он. – Что это все значит? Правда, что ли, существуют чародеи и гоблины? Или мы еще дома? Надо спросить у Сью... Или у мамы... Рыцари... Я не верю ни в каких фермеров... Нет, в колдунов... и вообще...

И он задышал ровно, легонечко всхрапывая.

А на гряде холма стоял некто, мрачный и черный, с уродливой птицей, сидящей на левом плече, и пристально глядел на дом фермера, весь облитый лунным светом.

Скверные дела

Следующий день был прохладным и дождливым. Ребята долго спали и спустились к завтраку только в десятом часу.

– Я подумала, лучше дать вам отлежаться сегодня, – сказала Бесс. – У вас вчера вид был просто-таки смертельно уставший. Давайте-ка лучше полегонечку сегодня. Нечего делать нынче по Эджу.

– Да, мы уже там все осмотрели. Довольно утомительно. Нам на пару дней хватит.

Только они успели управиться с завтраком, как прибыл со станции грузовик с их велосипедами и сундуками, и Колин и Сьюзен тут же принялись распаковывать свои пожитки.

– Ну и что ты думаешь о вчерашнем? – спросила Сьюзен, когда они остались одни. – Так на самом деле не бывает, а?

– Я про это уже думал, лежа в постели. Но нам двоим сразу ведь не могло померещиться. Чародей в жутком положении. Не хотел бы я оказаться на его месте. Тяжело так жить, все время в одиночестве, и обороняться от этих свартов.

– Там дела похлеще, чем сварты, ты что, не помнишь? Хотя казалось бы, что может быть хуже ихних рож и плоских лап, шлепающих по болоту. Честное слово, я рад, что я не чародей!

Ребята не обсуждали нападение свартов и свое чудесное спасение. Все еще было слишком свежо и вызывало дрожь и тошноту под ложечкой.

Поэтому они говорили, в основном, о чародее и его истории, и было уже сильно за полдень, когда они кончили раскладывать свои вещи по местам.

Колин и Сьюзен спустились к чаю. Гаутер уже сидел за столом и разговаривал с Бесс.

– Парочка странных вещей случилась и после обеда. Во-первых, я отправился в сарай за мешками. И, мать честная, ты бы поглядела – весь сарай оказался полон сов! Они дремали под самыми стропилами, я их там около двух десятков насчитал. И такие здоровенные! Они решили, что у нас мышьяная ферма, что ли? Я в жизни не видел ничего подобного.

А после, час, должно быть, спустя, является ко мне мужчина и спрашивает, нет ли у меня работы. Мне он сразу не показался. Карлик какой-то, волосы длинные, черные, и борода черная, и кожа как старый сапог. Говорит не по-здешнему, цыган, что-ли. Одет с чужого плеча, и точно он выспался в этой своей одежде. Стал мне рассказывать про свою несчастную жизнь, просит, мол, дай мне передышку. Но я вместо этого дал ему отлуп. Он повернулся на каблуках и пошел, надувшись, сказал, что я вскорости пожалею, что так с ним обошелся. Чувствовалось, он прямо на меня рассвирепел. Я думаю, надо ночью оставить на дворе Скэмпа, пусть побегает вокруг курятника на всякий случай.

Чародей велел Колину и Сьюзен держать окна в спальнях закрытыми, как бы жарко им не было. Так что прохладная погода была ребятам на руку, и они крепко спали в эту ночь.

Чего не скажешь про Гаутера. Яростный лай Скэмпа разбудил его в три часа. Такой лай Скэмп обычно приберегал для чужих, пронзительный и непрерывный, а не тот лай, который предназначался птицам или порывам ветра. Гаутер натянул на себя одежду, взял ружье и керосиновый фонарь, который был у него тут же, под рукой, и направился к двери.

– Так и знал! Так и знал! Этот поганец хочет уворовать моих кур. Ну, я ему покажу кур!

– Эй, парень, осторожнее, – сказала Бесс. – Ты больше него, ему легче попасть, и целиться не надо.

– Со мной все будет в порядке, а вот с ним – нет, – и, тяжело ступая, Гаутер спустился с лестницы во двор.

Плотные облака скрыли луну, было безветренно. Единственное, что нарушало тишину – это неистовый протест собаки и удары о стену курятника перепуганных, разбуженных кур.

Гаутер посветил на курятник.

Проволочная сетка не была повреждена, замок также оказался на месте. Луч фонаря скользнул по Скэмпу. Шерсть у него вздыбилась и стояла щеткой вдоль всего хребта, уши были плотно прижаты, глаза отсвечивали желтым. Он лаял, рычал и задними ногами нервно, толчками вспарывал землю.

– Где он? Взять его! Гаутер открыл двери курятника. Пес медленно вышел оттуда. Гаутер удивился. Он ждал, что тот выскочит, как ракета.

– Давай, дружище! Иначе он удерет!

Скэмп побежал, потом вернулся, затем направился к воротам, которые вели в поле. Он бежал не своей обычной рысью, а странно прижимая брюхо к земле, и скрылся в темноте. Через секунду рычание перешло в визг, потом он рванул назад, к свету, и плюхнулся у ног Гаутера, издавая какие-то невообразимые звуки. Пес весь дрожал. Что-то его разозлило, но больше всего, как понял Гаутер, он испытывал смертельный страх.

– Что случилось, парнище? Что тебя напугало, а? – спросил Гаутер ласково, опускаясь на колени и пытаясь успокоить трясущегося зверя. Потом он поднялся и сам пошел к воротам, взяв ружье наперевес и направляя луч фонаря в поле.

Там, на сколько хватало света от фонаря, ничего необычного не было заметно. Скэмп, хотя и стал поспокойней, все еще волнуясь, поскуливал возле его ног. Ничего необычного? И все-таки что-то... погоди... он сосредоточился... Да!!! Вот оно! Холодный липкий воздух наплывал Гаутеру на лицо, и пахло чем-то странным, нездоровым, чем-то таким неожиданным, что узел инстинктивного страха как бы завязался у него в животе. Пахло стоячей водой и болотной прелью. Запах наполнил его ноздри и не давал легким выдохнуть воздух, и на одно мгновение Гаутеру представилось, как его засасывает в глубину черного болота, гадкого, злого. Он резко повернулся, дыхание у него перехватило, глаза были широко раскрыты, волосы на затылке стояли дыбом. Но через мгновение болотная вонь рассеялась и исчезла совсем, он снова вдохнул полной грудью чистую ночную прохладу.

– Ей-Богу, парнище, странные же вещи творятся тут этой ночью. Что-то это было неотсudahнее. Откуда-то ветер подул, и не понять. Давай-ка обойдем все потихонечку.

Сначала Гаутер направился к конюшне. Принц бил копытом и был весь в мыле.

– Что ты, малышка? – сказал Гаутер ласково и провел рукой по дрожащим бокам коня. – Не дергайся. Постой спокойно, я тебя сейчас оботру.

Принц понемножку успокаивался, пока Гаутер протирал его вспотевшие бока мешковиной, и Скэмпу вроде тоже полегчало. Он поднял голову и уже больше не грохотал, а только слегка порывкивал, скорее угрожающе, чем нервозно, как будто старался доказать, что он вовсе и не трусил, а только гневался.

– М-да, – подумал Гаутер. – И это та собака, которая ни человека, ни зверя никогда не пугается! Мне здорово не нравится все, что нынче тут творится.

В коровнике коровы тоже беспокоились, таращили глаза и раздували ноздри, хотя они были поспокойнее, чем Принц.

– Нет, здесь никого нет, Скэмп. Пойдем поглядим в амбаре.

Они пошли туда, но там тоже все было как обычно, ничего не было тронут.

– Все вроде бы нормально, – сказал Гаутер. – Давай быстренько обойдем все вокруг, и домой, заварим чайку, да уж скоро будет время доить. Никакого покою душе!

Когда они пересекли двор, на небе появились первые проблески дня. Скоро настанет новое утро и прогонит все ночные тревоги.

Гаутеру понемногу становилось стыдно за свой страх, спасибо еще, что не было никого, кто бы это заметил. Он улыбнулся с раскаянием.

– Чего только не навоображаешь себе...

Но тут же застыл, как вкопанный, а Скэмп, заскулив, прижался к его ногам.

Из темноты, откуда-то сверху над головой Гаутера пронесся резкий крик, слишком резкий для человеческого голоса, но непохожий и на звериный.

Во второй раз за эту ночь у Гаутера кровь застыла в жилах. Потом, глубоко вздохнув, он решительно направился к дому, не глядя ни направо, ни налево, ни вверх, ни вниз, и Скэмп ни на дюйм не отставал от него. Одним движением Гаутер повернул ручку замка, переступил через порог, захлопнул дверь и задвинул засов.

– Я не знаю, как ты, парнище, а я собираюсь выпить чашку крепкого чая.

Он зажег спиртовку, поставил чайник и, пока вода закипала, прошелся по комнатам, поглядеть, все ли там в порядке. Все было спокойно, только Сьюзен сонным голосом спросила, который час и почему Скэмп устроил такой переполох. Гаутер сказал, что лисица являлась в курятник, но Скэмп прогнал ее. Туже самую историю он выдал и Бесс.

– ...а потом он стал лаять на собственную тень, так перевозбудился.

– Да? Интересно, а ты-то почему весь вспотевший, как кусок сыра? – спросила Бесс с подозрением.

– Ну, – начал он в замешательстве, – я думаю, просто в моем возрасте не очень полезно бегать по двору в такую рань. Но зато полезно попить чайку. Я тебе тоже принесу кружечку: чайник кипит!

Гаутер обвел взглядом кухню. Невозможно что-нибудь скрыть от Бесс. Она слишком хорошо его знает. Но что сказать ей? Что он, деревенский житель, испугался какого-то запаха и крика ночной птицы? Он чуть не покраснел, подумав об этом.

К тому времени, когда он заварил чай, оделся и умылся, за окнами рассвело и было уже пора доить коров. Солнце пробивалось сквозь облака. Гаутер почувствовал себя много лучше.

Он уже шел по двору, направляясь к коровнику, когда вдруг увидел разбросанные по булыжнику черные перья.

В каменном кольце

Четверг на ферме Хаймост Рэдмэнхей был всегда очень занятым днем. Помимо обычного круга дел Гаутер должен был готовиться к следующему. Раз в неделю, по пятницам, он ездил в Олдерли делать покупки и навещал старых друзей и знакомых, которых он снабжал овощами и яйцами. Так что большая часть четверга уходила на то, чтобы перебрать и почистить товар для пятничной продажи.

Когда с этими делами было покончено, Колин и Сьюзен поехали с Гаутером к колеснику в ближайший городок Моттрам Сент-Эндрю, чтобы заменить поломанную спицу в колесе. Работа затянулась почти до самого чая. А после Гаутер спросил ребят, не хотят ли они вместе с ним попытать счастья на озере Раднор. И к тому же решить проблему ужина.

Они отправились полем и скоро достигли леса. Здесь подлесок был гораздо гуще, чем в лесах на Эдже, к тому же густо разрослась ежевика, так что Сьюзен порадовалась, что она догадалась надеть брюки. Повсюду росли высокие кусты рододендрона. А еще казалось, что этот лес просто кишит птицами. Они распевали на деревьях, шелестели в листве, плавали в маленьких ставочках.

– Я только теперь понял, что странного в тех лесах, что растут на Эдже...

– Птицы, – перебил Колина Гаутер. – Там их почти нет. Так было всегда, и я не знаю почему. Там столько деревьев, кустов и прочего, казалось бы, их там должно быть не меньше, чем здесь. Но там никогда не встретишь певчего дрозда. Бывало, я там бродил по полдня и едва встречал парочку сов. Да, это очень странно, если подумать хорошенько.

Их путь шел сквозь заросли рододендрона, тропинка едва ли заслуживала названия тропинки: так заросла. Земля была неровной и вся закидана валежником, но Гаутер бодро шел, неся удочку, и даже ни разу не споткнулся. Видно, он хорошо знал дорогу.

Сьюзен подумала, что худо бы им пришлось, если бы случилось бежать бегом по такой местности.

– Гаутер, – спросила она, – а тут тоже есть заброшенные шахты?

– Нет ни одной, мы находимся почти что на равнине, а шахты покрывают склоны холма, они сзади нас. Почему ты спросила?

– Так просто.

Рододендроны кончились у края озера. Оно было примерно с милю длиной и с четверть мили в ширину.

– Вот это озеро, – сказал Гаутер, усаживаясь на поваленное дерево, нависшее над водой. – Оно слегка заболочено, зато никто сюда не явится мешать нам ловить рыбу. Достань-ка из корзинки баночку с приманкой.

Гаутер пробрался по бревну почти до самого края, закинул удочку, вернулся, сел и, опершись спиной о вывороченные корни деревьев, раскурил трубку. Колин и Сьюзен разлеглись на сухой коре и стали глядеть на озеро. Золото заходящего солнца омывало их.

За два часа они поймали трех больших окуней, затем смотали снасти и направились обратно, успев добраться до дома засветло.

Следующим утром в деревне Олдерли Сьюзен отправилась с Бесс по магазинам, а Колин остался помочь Гаутеру разгружать овощи.

Они все собрались вместе к обеду, а после решили сопровождать Гаутера, пока он объедет клиентов.

День был жарким, и часам к четырем у ребят просто в горле пересохло от жары. Бесс сказала, что они могут пойти попить лимонаду и съесть по порции мороженого.

– Мы сейчас должны съездить еще на Мосс Лейн, больше чем полчаса это не займет. А вы подождите нас и прохладитесь немного.

Ребята не заставили себя долго просить и вскоре уже сидели в удобных плетеных креслах деревенского кафе со стаканами прохладного лимонада в руках. Сьюзен играла со своим браслетом, задумчиво пытаясь заглянуть в голубую сердцевину слезки.

– Трудно бывает уловить луч, – сказала она. – Никогда не знаешь... ага... погоди... вот он! Знаешь, он напоминает мне свет в Фундин...

Она вдруг замерла и молча уставилась на Колина. Он тоже вытаращился на нее с открытым ртом. Они оба, не отрываясь, глядели на камешек.

– Не может быть! – сказал Колин. – Но как?

– Вот именно – как.

– Я... не знаю... Но все-таки...

– Да нет! – сказал Колин. – Чародей узнал бы его с первого взгляда, ты не думаешь?

Сьюзен с облегчением откинулась на спинку кресла и перевела дух. Но через секунду она выпрямилась, не в состоянии вымолвить ни слова.

– Он не мог его увидеть! Я была в пальто! О, Колин!... Колин был потрясен не менее своей сестры, но он не мог так долго оставаться с открытым ртом. Следовало выяснить, и при этом быстро, действительно ли камень на руке у Сьюзен мог оказаться Огнеледом, или это всего-навсего просто кусочек хрусталя. Если камень на самом деле Огнелед, тогда, как видно, про это дознались злые силы, и в таком случае их схватка со свартами получала объяснение. Другой вопрос, как этот камень мог оказаться на руке у Сьюзен.

– Мы должны немедленно разыскать Каделлина, – сказал Колин, – потому что, если это Огнелед, то чем скорее он его получит, тем лучше для всех нас.

В этот самый момент подъехала тележка, и Гаутер крикнул ребятам, что пора домой. Они попытались скрыть свое волнение. Однако тот тихий шаг, который позволил себе Принц, поднимаясь на «передний» холм, как его называли местные жители, заставлял их чуть ли не лопаться от нетерпения.

– Бесс, – сказала Сьюзен, – ты точно ничего не можешь вспомнить про камешек на браслете? Мне бы хотелось знать о нем как можно больше.

– Нет, девочка. Я тебе рассказала все, что знаю сама. Моя мать получила его от своей матери, и она говорила мне, что так он передавался от старших к младшим. Бог знает, с какого времени. Да, и еще она говорила, что почему-то его нельзя никому чужому показывать, только близким родственникам, иначе настанут семь очень несчастливых лет, но моя мама была без предрассудков и не очень-то верила во всякую болтовню.

– И ты всегда жила в Олдерли?

– Да, Господи, ну, конечно! Я родилась и выросла в Хауффе, а мама моя была из Густри, а перед тем ее семья, кажется, была связана с Мобберли.

– Ох!

Колин и Сьюзен едва владели собой.

– Гаутер, – сказал Колин, – позволь нам со Сью сходить на Грозовую Вершину. Как нам туда побыстрее дойти?

– Что? Не попивши чаю? – воскликнула Бесс.

– Да, к сожалению. Это очень важно. И это пока секрет. И нам обязательно надо туда.

– Не намылились ли вы спуститься в шахты? – спросил Гаутер с подозрением.

– Нет, нет, – заверил его Колин. – Пожалуйста, нам очень нужно. Мы вернемся не поздно. А без чая обойдемся, не беспокойся.

– Дело ваше, это ваши желудки будут пустые, – сказал Гаутер, – только глядите, мне неохота ехать вас искать в полночь. А идти лучше всего от лесникова дома и по большой дороге, там у заброшенной каменоломни – развилка, пойдите по той дороге, что по левую руку, она вас и приведет на Грозовую Вершину.

Они достигли вершины Эджа и, проехав примерно четверть мили, Гаутер остановил Принца перед хорошеньким коттеджем, выстроенным из красного песчаника и уютно стоящим на опушке леса. От боковой стороны коттеджа начиналась песчаная дорога под прямым углом к основной дороге, убегала, теряясь за деревьями. Гаутер сказал, туда им и надо идти, чтобы быстрее достичь Грозовой Вершины.

Ребята спрыгнули с тележки, уверяя, что они не задержатся, побежали по дороге, а Бесс и Гаутер продолжили путь, обсуждая с умилением, как хорошо быть молодыми.

– А тебе не кажется, что лучше бы пойти той дорогой, которую нам указал Каделлин? Он говорил, что это единственная безопасная дорога, – сказала Сьюзен.

– Да некогда нам обходить вокруг, надо скорее показать Каделлину твой камень. Гаутер же объяснил, что это прямая дорога к Грозовой Вершине, да и белый день на дворе, не вижу, что с нами может случиться.

– Ну, ладно. Только как мы найдем Каделлина?

– Пошли туда, где были железные ворота, а там покличим. Он же чародей, он нас услышит... Надеюсь, во всяком случае, надо попытаться!

Ребята все глубже и глубже уходили в лес, пока не дошли до ровной поляны, где папоротник поредел и уступил место низкой густой траве, растущей на торфяной почве. Поляна вся пестрела солнечными бликами. И здесь, рядом с такой красотой им пришлось, правда, слишком поздно, убедиться, что чародей ничего не говорит зря, и что капканы, расставленные злом, имеют крепкие пружины и не выпускают свою добычу.

Из-под земли по всей поляне вдруг поднялись языки густого тумана, которые стали сливаться в сплошную клубящуюся пелену, доходившую ребятам до колен. Туман поколебался, сгустился еще больше и вдруг взвился вверх, скрыв от ребят солнце и всю живую жизнь вокруг них.

Это было слишком для Сьюзен. Нервы ее сдали. Убежать, вырваться из этого холодного облака, от того, что оно может в себе таить. Больше она ни о чем не могла думать. Она рванула вслепую, пробежала, запинаясь, несколько шагов, обо что-то споткнулась и с размаху упала на траву.

Сьюзен не ушиблась, но удар привел ее в себя. Удар и еще нечто. Падая, девочка вытянула руки перед собой, и когда она пришла в себя, то осознала, что руки ее не касаются земли, что под руками у нее – пустота. Она лежала, не смея шевельнуться.

– Сью, где ты? – послышался ласковый голос Колина. – С тобой все в порядке?

– Я здесь. Будь осторожен. По-моему, я на самом краю скалы, только ничего не видно.

– Не шевелись. Я иду к тебе.

Колин пополз на голос, но даже на этом коротком пути он чуть было не потерял направление в тумане, и прошло несколько минут, прежде чем он отыскал Сьюзен. Он подполз к ней на живот и лег рядом.

Торф кончался у него под носом, а дальше, внизу, виднелось море чего-то серого. Колин пошарил возле себя, нащупал камешек и швырнул его. Прошло не менее трех секунд, прежде чем камень стукнулся о землю.

– Хорошо, что ты споткнулась и упала, Сью! – проговорил он. – Видно, здесь эта заброшенная каменоломня. Тут довольно крутой обрыв. А теперь тихо, давай прислушаемся.

Но как они ни напрягали слух, до них не донеслось ни звука, слушать было нечего, точно они были единственными живыми существами на всей земле.

– Нам надо вернуться на дорогу, Сью. Надо постараться не производить никакого шума. Потому что тот, кто устроил этот туман, наверняка прислушивается. Если мы не отыщем тропу, то, скорее всего, будем кружить в тумане до самой ночи. Даже если тут никого нет и нас оставили в покое.

– Для начала, давай отойдем отсюда, а то здесь мы нарвемся на беду.

Они взялись за руки и медленно зашагали в сторону дороги. Время шло, и Сьюзен начала все больше и больше тревожиться.

– Колин, – сказала она, – я пробежала не больше дюжины шагов перед тем, как споткнулась. А мы идем не меньше пяти минут. Думаешь, мы движемся туда, куда надо?

– Не думаю. Потому что не знаю, куда надо. Нам остается только надеяться на лучшее. Давай постараемся идти прямо, тогда, может, выберемся из этого тумана.

Но им это не удалось. То ли туман растекся на большое расстояние, то ли, как им показалось, он следовал за ними. Сделав несколько шагов, они остановились и прислушались. Но их окружало только холодное молчание тумана, и это действовало на нервы даже больше, чем если бы они слышали какие-нибудь звуки. Ничего не было видно больше, чем на пару ярдов в любом направлении, и ребята боялись свалиться в какую-нибудь незаметную шахту или сорваться в карьер, потому что к этому времени они совершенно утратили ориентировку.

Казалось, что дорога просто исчезла, но на самом деле несколько минут назад они пересекли ее, не заметив. Когда Колин и Сьюзен приближались к дороге, туман уплотнялся возле их ног, и они проходили мимо. Это продолжалось до тех пор, пока ребята не удалялись от цели.

Через четверть часа их начала пробирать дрожь, и они не могли с ней справиться: казалось, что сырость прямо вгрызается в их кости. Время от времени из тумана перед ними вставали сосновые стволы, так что создавалось впечатление, будто они движутся по залу с колоннами, у которого нет ни начала, ни конца.

– По-моему, мы ходим кругами, Колин. Давай изменим направление, нам не удастся идти прямо.

– Заблудиться более безнадежно, чем мы сейчас, невозможно. Если хочешь, давай попробуем, хуже не будет.

Колин и Сьюзен не могли поверить своему счастью. Через полминуты они наткнулись на дуб, а за ним рос другой. Туман был по-прежнему плотным, но ребята почувствовали, что они стоят на твердой земле, и это вселяло надежду.

– Хорошо бы, Каделлин появился тут, – сказала Сьюзен.

– А что, это мысль. Давай позовем на помощь, может, он нас услышит.

– Но тогда мы себя обнаружим.

– Не думаю, чтобы это сейчас имело значение. Давай попытаемся.

– Ладно.

– Раз, два, три. Ка-дел-лин! На помощь! Каделлин!

Это было все равно, что кричать в набитую перьями подушку. Их голоса тут же замирали, впитывались, как губкой, плотной пеленой тумана.

– Вряд ли наши голоса слышны издали, – проговорил Колин с тоской. – Давай сделаем еще одну попытку. Раз, два, три. Каделлин, на помощь!

– Бесполезно. Он нас не услышит, – сказала Сьюзен. – Нам надо самим выпутываться.

– Давай не будем спешить, пошли понемногу, – предложил Колин. – Если кто-то собирався на нас напасть, то давно уж и напал бы, так ведь? А он, наверно, хотел нас просто напугать, а может, думал, что мы свалимся со страху в пропасть, или что-нибудь в этом роде. Пока мы будем идти не спеша, нам ничего не грозит.

Решение не было верным, но к тому времени у них не родилось никакого другого плана.

Несколько минут ребята продвигались в молчании, Сьюзен пристально глядела под ноги, а Колин присматривался и прислушивался, не раздастся ли какой звук или не появится ли знак, предвещающий беду.

Вдруг Сьюзен резко остановилась.

– Здравствуйте, а это-то что? Перед ними лежали два грубо отесанных валуна, а сверху еще такие же, еле различимые в тумане.

– Что бы это значило? Кажется, их сюда нарочно положили.

– Ладно, пусть. Нам некогда размышлять, пошли дальше.

Ребята миновали камни и, пройдя два шага, снова застыли на месте. Их сердца охватило отчаяние, холодное, как восточный ветер.

Ответ на вопрос Сьюзен был получен. Они находились внутри каменного кольца, низкая мрачная изгородь вставала перед ними, как только они пытались двигаться, точно отгораживая их от всего остального мира. Теперь перед ними возникли еще два камня, повыше остальных, и на одном из них восседало существо, вид которого мог бы утратить самого отважного мужчину.

В течение трех фатальных секунд ребята стояли, глядя на него, не в силах ни двинуться, ни осмыслить, что происходит. И пока они стояли в нерешительности, камни сдвинулись, челюсти ловушки захлопнулись, а трава внутри нее, как мириады змей, приведенная в движение чьим-то колдовством, обвилась вокруг них стеблями и корнями, поймала, как в капкан.

Точно в каком-то кошмарном сне, Колин и Сьюзен делали попытки вырваться, барахтались, как осы в меду.

Таинственное существо медленно поднялось с камня и направилось к ним. Оно имело человеческие очертания, но все-таки не было человеком: несколько выше человеческого роста, с ног до головы завернуто в какую-то зеленую одежду, от которой исходил сырой, тлетворный дух, и через которую просвечивало неестественно худое тело и тонкие паучьи ножки. Глубоко надвинутый капюшон скрывал лицо, кожаные перчатки были натянуты на паучьи руки, в воздухе стоял запах гниющей воды.

Существо остановилось перед Сьюзен и властно протянуло к ней руку. Ни слова не было произнесено.

– Нет! – закричала Сьюзен. – Не отдам! И она спрятала руку за спину.

– Не тронь ее! – закричал Колин. – Если ты до нее дотронешься, Каделлин убьет тебя!

Скрытая капюшоном голова медленно повернулась к мальчику. Колин заглянул под капюшон, и отвага покинула его, ноги сделались ватными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.